

ИВЕРСКИЙ ЛИСТОК

По благословению
митрополита Нижегородского
и Арзамасского Георгия

Издание Иверского женского монастыря г. Выкса, Выксунская и Павловская епархия

№5 (130)
Май 2019 г.

ПАМЯТНАЯ ДАТА

Православная Церковь 22 мая празднует день памяти святого Николая Чудотворца. Выксунский Иверский женский монастырь в этот светлый день будет отмечать памятную дату. Сто лет назад, в 1919 году, назначенца монахиня Маргарита /на снимке/ была поставлена во игумении монастыря, согласно указу Святейшего Патриарха Тихона и Священного Синода от 20 марта 1919 года.

1919 год для Русской Православной Церкви продолжился трагическими событиями. Началась безбожная и кощунственная кампания по вскрытию мощей в монастырях и храмах по всей России. 1 февраля 1919 года наркомат юстиции издал постановление об организованном вскрытии мощей — специальными комиссиями, в присутствии священнослужителей. В течение года были вскрыты мощи святителей Митрофана Воронежского, Питирима Тамбовского, Иоанна Новгородского, преподобных Макария Калязинского, Евфимия Сузdal'skogo, Нила Столобенского и десятки других. Все это происходило при большом скоплении народа, снималось на пленку для показа в кинотеатрах. Попытки остановить это безумие карались самым жесточайшим образом.

Новая власть всеми силами пыталась подорвать авторитет Церкви, выбирала для своей антирелигиозной кампании самые отвратительные способы. В апреле 1919 года безбожники замахнулись на величайшую святыню России- мощи Преподобного Сергия Радонежского. Не обращая внимания на призывы Патриарха Тихона не совершать это осквернение, 11 апреля мощи были вскрыты. Все эти события служили оправданием для последующего разграбления и закрытия монастырей.

Наш Иверский монастырь вместе со всей церковью так же переживал нелегкие времена. Декрет об отделении Церкви от государства и школы от Церкви был принят 2 февраля 1918 года. И хотя в декрете было заявлено о равноправии всех церквей перед государством, на самом деле более всех гонимой оказалась Православная Церковь. За принятием декрета последовал массовый захват церковного имущества, помещений, земли, финансов. Иверский монастырь также стал объектом экспроприации. В обители от лица властей хозяйствовал назначенный комиссар, диктовавший свои требования и условия. Две трети монастырских келий были заняты различными светскими организациями, и сестрам приходилось ютиться по несколько человек в маленьких помещениях. В обители представителями новой власти был описан буквально каждый предмет: кровать, стул, стол. На строжайший учет поставлено церковное убранство и каждый предмет, что хранился в храмовых ризницах. Уже были отняты участки леса для заготовки дров и сена. В садах монастыря переписано и поставлено на учет в земотдел каждое фруктовое дерево. Учтены каждая корова, бычок, курица.

5 февраля Иверский монастырь облетела скорбная весть о кончине матушки игумении Серафимы, управлявшей монастырем в течение одиннадцати лет. После похорон игумении Серафимы сестрами монастыря единогласно была избрана на должность настоятельницы Иверского Выксунского женского монастыря казненца монахиня Маргарита. Святейший Патриарх и Священный Синод 7/20 марта 1919 года постановили утвердить в должности настоятельницы Иверского Выксунского женского

монастыря Нижегородской епархии монахиню Маргариту с возведением ее в сан игумении. В Центральном Архиве Нижегородской области хранится документ, описывающий посещение Иверского монастыря Его Высокопреосвященством архиепископом Нижегородским и Арзамасским Евдокимом после праздника Пасхи 1919 года, во время которого и произошло это значимое для истории обители событие:

«Первую службу — всенощное бдение 8/21 мая Его Преосвященство служил в Иверском храме женского монастыря, где ему были отведены на все время пребывания настоятельские покои в игуменском корпусе. Встреча перед всенощной была в покоях Владыки и шествие в церковь — «со Славою».

9/22 мая день Св.Николая.

К литургии в 9 ч. Его Высокопреосвященство вышел «со Славою» из своих покоев, сопровождаемый полным хором певчих. Собор служащих сравнительно с таковым предыдущей службы увеличился представителями Выксунского духовенства. За малым входом было поставление во игумении настоятельницы монастыря мон. Маргариты, награждение камилавкой о. Дм.Бельского и набедренником о.Ио.Мещерского...».

Хлопотное хозяйство приняла игумения Маргарита. Новые законы диктовали свои условия для существования, которые казались совершенно неприемлемыми для монашеской жизни. К власти пришли люди, мировоззрение которых сложилось под влиянием ненависти к религии и борьба с Церковью была одной из самых важных задач. Верная заветам старца Варнавы, игумения Маргарита все свои силы и мысли мужественно отдавала делу сохранения от разорения родной обители, которую поступила в двадцатилетнем возрасте.

К 1920 году в монастыре оставалось 438 сестер, из которых 310 было трудоспособных. Из 40 жилых зданий в пользовании монастыря осталось 20 домов и все они были малого размера.

В 1919 году игумения Маргарита вынуждена подать документы для организации трудовой артели из числа сестер монастыря, чтобы заработать для насельниц средства к существованию. Артель была зарегистрирована.

(Окончание на 2 стр.)

(Продолжение. Начало на 1 стр.)

В многочисленных отчетах тех лет мы можем прочитать, каким крепким оставалось хозяйство монастыря, несмотря на ограничения и трудности. Активно работали мастерские: швейная, сапожная, переплетная, фотография. Молоко с монастырской фермы поставлялось в больницу и детские сады. Огороды обрабатывались сестрами и излишки продавались в кооперативы. Всеми силами сохранялись прекрасные фруктовые сады и восстанавливались после злодейского разграбления пасека. Кроме всего прочего, сестры монастыря трудились в «заразных» бараках, организованных в бывшей монастырской больнице и богадельне. Сестры самоотверженно ухаживали за больными сыпным тифом.

Самое главное, несмотря на все трудности и репрессивные меры со стороны властей, ни на минуту не прекращалось духовное служение монастыря, уже в виде религиозной

общины, главой которой была игумения Маргарита. До самого закрытия монастырь оставался верен духовной традиции, заложенной старцем Варнавой и неукоснительно соблюдавшейся сестрами обители. Матушка Маргарита сумела сохранить и поддержать дух и уклад монастыря на прежнем высоком уровне. И это чувствовалось в том, что храм по праздникам был полон, и паломники так же стремились посетить обитель. Свидетельство этому письма игумении Маргариты.

«Сегодня мы празднуем принесение в обитель Иверской иконы Богоматери. Празднуют с нами и поломницы из Нижнего, вчера прибывшие и нынче обратно отправляющиеся от нас. Меня приятно удивило их усердие к обители: надо же было в такую даль пропутешествовать при теперешних то удобствах! Сейчас они с м. Варварой обозревают монастырь, по милому определению одной из них — «настоящий монастырь, а не как в городах!»

К сожалению, представителям органов советской власти существование

монастыря сильно мешало. Тем более рядом с партшколой, открытой в одном из корпусов обители. Вопрос о закрытии монастыря и выселении сестер был решен. После закрытия матушка Маргарита переехала в Муром вместе с некоторыми сестрами Иверского монастыря. Там ее ждали новые испытания и трагический конец, который, судя по документам, она приняла самым достойнейшим образом.

В разные времена истории человечества православным, а в особенностях монашествующим, приходилось на себе испытывать гонения за веру. В двадцатом веке власть громко заявила о борьбе с религией и Богом. И в этой борьбе совершили свой христианский подвиг те, кто исповедовал веру в Бога до конца своих дней. Всей своей жизнью игумения Маргарита показала нам, как, выбрав Христа, надо верить и жить по вере.

Материал подготовила краевед
Ольга Грачева.

ПРОШЕНИЕ О ВОЗВЕДЕНИИ ОБИТЕЛИ НА СТЕПЕНЬ ПЕРВОКЛАССНОГО МОНАСТЫРЯ

Как продолжение материала «Памятная дата», посвященного последней настоятельнице Выксунского Иверского женского монастыря игумени Маргарите, предлагаем нашим читателям текст Прощения о возведении обители на степень первоклассного монастыря:

«Его Высокопреосвященству,
Высокопреосвященнейшему Евдокиму,
Архиепископу Нижегородскому и Арзамасскому

От Настоятельницы Иверского Выксунского монастыря
Игумении Маргарите

Прощение.

Широкая известность и заслуженная слава Иверского Выксунского монастыря, как обители труда и молитвы, просвещения и благотворения во славу Божию, как тихого приюта для отдыха скорбного и мятущагося духом разного люда, наконец, как цветущего высокой культурой уголка и места твердого оплота веры и благочестия на Руси, — все это побуждает желать и дает решимость просить о возведении обители на степень первоклассного монастыря.

Создание великого духом простеца старца Варнавы, обитель Иверская, вся 50-летняя история жизни которой обильна сказаниями о дивных делах милости Божией, поражает всех и каждого своей величавой красотой и своим внутренним благоустройством и тою особенностью, что иноческая чистота ея остается неприкосновенною даже доселе, несмотря на все стремления мира, по современным условиям жизни общественной, внести свою суету и волнения внутрь ограды монастырской. Иверский монастырь остается и по существу монастырем: день и ночь служа и работая Богу и ближним, обитель стоит как твердыня, на страже заветов родной старины, несмотря на то, что мир все теснее окружает его и вторгаясь внутрь ограды, мольвою жителейских попечений смущает тишину его.

Посему, если Вашему Высокопреосвященству благоугодно будет признать настоящее ходатайство заслуживающим внимания и не отказать в содействии к исполнению его во славу Божию, честь первоклассной обители Иверской будет честью и славой для всего русского православного иночества.

Настоятельница Игумения Маргарита.
Июнь 1919 года.

Резолюция Архиепископа Евдокима.

«В Епархиальный совет. Со своей стороны ходатайствовать согласие».

«Со стороны Епархиального совета к возведению Выксунского Иверского монастыря на степень первого класса препятствий не имею».

Член Епарх. Совета Архимандрит Нектарий. 2-15 июня 1919 г.»

Необыкновенный рассказ

МАРШАЛ ЖУКОВ И СЕРЖАНТ АВДЕЕВ

После войны семья наша почти два года кочевала по разорённой войной Украине, так как воинская часть отца восстанавливала разрушенные немцами аэродромы. На одном из полустанков отец, выскочивший с чайником за кипятком, вдруг вернулся, неся вместе с товарищем безногого солдата. За ними внесли солдатский рюкзак и старенький баян. Ноги у солдата были отняты по самый пах. А сам он был молод, красив и, что называется, в «стельку» пьян. На удивлённые вопросы мамы и бабушки отец отвечал кратко и потрясённо: «Он пел!» Молодого инвалида старательно обтерли мокрым полотенцем и уложили на топчан теплушки. Тем временем офицеры, желая установить личность солдата, проверили его рюкзак и были полностью сражены: безногий солдат был награждён пятью боевыми орденами, а отдельно, в красной коробочке, лежал Орден Ленина. И был инвалид сержантом Авдеевым Николаем Павловичем от рода двадцати пяти лет. Офицеры, прошедшие войну, многие, как мой отец, ещё и финскую, знали цену таким наградам. Среди орденов лежало письмо. Видно было, что его неоднократно комкали, а потом расправляли. Письмо было подписано: «Любящая тебя Шурочка». «Любящая Шурочка» писала, что будь у Николая хоть одна нога — она бы за ним в госпиталь приехала. А уж совсем ползунова она, молодая и красивая, взять не может. Так и писала Шурочка — «ползун!» В вагоне повисла угрюмая тишина. Мама всхлипнула, бабушка убеждённо сказала: «Бог её накажет!» — и ещё раз бережно обтерла лицо спящего.

Спал безногий солдат долго, а проснувшись, казалось, совсем не удивился, что едет неизвестно куда и неизвестно с кем. Так же легко согласился он остаться пока в нашей части, сказав при этом: «Там видно будет». Охотно откликнулся Николай и на просьбу спеть, с которой на удивление робко обратился мой отец, вообще-то человек не робкого десятка. Он впоследствии как-то, казалось нам тогда, робел перед Авдеевым. Это было преклонением перед уникальным талантом. Авдеев запел. Бархатный бас поплыл по вагону и словно заполнил собой окружающее пространство. Не стало слышно грохота колёс, за окном исчез мелькающий пейзаж. Сейчас иногда говорят — «попал в другое измерение». Нечто подобное произошло тогда с пассажирами вагона-теплушки. Я до сих пор думаю, что мне довелось в детстве слышать певца, обладающего не только уникальным голосом, но и ещё богатой, широкой душой, что и отличает великих певцов от бездарностей. Однажды я спросила бабушку: «Почему, когда дядя Коля поёт, облака то останавливаются, то бегут всё быстрей?» Бабушка задумалась, а потом ответила мне, как взрослой: «А ведь и правда! Это у нас душа от его голоса то замирает, то

к Богу устремляется. Талант у Коленьки такой особый».

А вскоре произошло то, что заставило окружающих посмотреть на певческий талант Авдеева с ещё большим изумлением. Через дорогу от школы, где жили офицерские семьи, в небольшом домишке жила пожилая еврейка — тётя Пейся со своей очень красивой дочерью Розой. Эта ещё совсем молодая женщина была совершенно седой и немой. Это произошло с ней, когда в одном из маленьких местечек Белоруссии немцы уничтожали евреев. Чудом спасённая русскими соседями, лёжа в подвале со ртом, завязанным полотенцем, чтобы не кричала, Роза слышала, как зовут её из рядом горящего дома её дети-близнецы. Несчастная мать выжила, но онемела и поседела.

В один из летних вечеров, когда Роза с лотком маковых ирисок зашла к нам во двор, на своей тележке на крыльце выкатился дядя Коля. Надо сказать, что к этому времени он был уже официально оформлен комендантлом офицерского общежития и получал зарплату, по существу был членом нашей семьи. Женщины поставили перед ним тазик с вишней, мы, дети, облепили его, и он рассказывал нам что-то очень смешное. При виде седой Розы дядя Коля вдруг замолчал и как-то особенно внимательно сталглядываться в её лицо. Потом он запел. Запел, даже не попросив, как обычно, принести ему баян. Помню, что пел он какую-то незнакомую песню о несчастной уточке — лебёдучке, у которой злые охотники, потехи ради, убили её утят-лебедят. Могучий бас Авдеева то жалобно лился, то скорбно и гневно рокотал. Подняв глаза, я увидела, что все окна большого дома были открыты и в них молча застыли люди. И вот Роза как-то страшно замычала, потом упала на колени, подняла руки к небу, и из губ её вырвался молодой, звонкий и безумный от горя голос. На еврейском языке взывала к Богу несчастная мать. Несколько женщин, бросившихся к ней, застыли по знаку руки певца. А он всё пел, а Роза кричала всё тише и тише, пока с плачем не упала на траву. Её спешно подняли, внесли в дом, и около неё захлопотал наш полковой врач.

А мы, рано повзрослевшие дети войны, как суслики, столбиками, остались сидеть молча в тёплой темноте южной ночи. Мы понимали, что стали свидетелями чуда, которое запомним на всю жизнь. Утром пришла тётя Пейся и, встав перед дядей Колей на колени, поцеловала ему руку. И снова все плакали. Впрочем, в моём детстве плакали часто даже мужчины. «Почему взрослыеплачут? — спросила я маму. «Это слёзы войны, — ответила мне она, — в войну-то нам плакать было некогда, да и нельзя. Надо было выстоять, чтобы детей спасти. А теперь вот слёзы и отливаются. Твоё поколение уже не будет плакать. Только радоваться». Надо

сказать, что я с горечью вспоминаю эти маминны слова. Радуюсь редко.

Шёл 1948 год. И вот стало происходить что-то странное, непонятное нам, детям. С улиц города стали исчезать инвалиды, которых до этого было так много. Постукивали палочками слепые, но безрукие и безногие, особенно такие, как дядя Коля, практически исчезли. Взрослые испуганно и возмущённо шептались о том, что людей забирают ночами и куда-то увозят. В один из вечеров я услышала, как родители тихо говорили, что дядю Колю придётся спрятать, отправить к родным мамы, на дальний казачий хутор.

Но здесь произошло событие, которое предопределило дальнейшую судьбу Николая Авдеева и стало таким ярким эпизодом в моей жизни. В 1948 году страна-победительница торжественно праздновала 800-летие Москвы. Повсюду висели флаги и транспаранты, проходили праздничные мероприятия. Одним из таких мероприятий должен был стать концерт в Доме офицеров. Случилось так, что проездом на какую-то инспекционную поездку в городе на целый день остановился маршал Георгий Константинович Жуков. Взрослые называли его коротко и уважительно «сам Маршал». Именно так это и звучало — с большой буквы. Отец пояснил мне, что я видела его в кино, когда, как и все, неоднократно смотрела Парад Победы. «Ну, на коне! Помнишь?» — говорил отец. Честно говоря, коня я помнила очень хорошо, удивляясь каждый раз, почему у него перебинтованы ноги. Маршала же я практически не разглядела. И вот офицерам объявили, что на концерте сводной самодеятельности воинских частей будет присутствовать Жуков. Каждый вечер шли репетиции, и на одной из них было решено, что цветы маршалу буду вручать я. Не могу сказать, что меня, в отличие от моей семьи, это обрадовало. Скорее, наоборот. Мне вообще очень не хотелось идти на концерт, ведь я всё это видела и слышала неоднократно. Теперь я уже никогда не узнаю, почему выбор пал на меня. Скорее, из-за совершенно кукольной внешности, которая, кстати, полностью не совпадала с моим мальчишеским характером. Два дня у нас в коммуналке строчил старый «Зингер». Мне спешно шили пышное платье из списанного парашюта. Шила мама. А бабушка, наспех нас накормив, вдруг стала днём, стоя на коленях, молиться перед иконой Святого Георгия Победоносца. Эта удивительно красивая икона была единственной, сохранившейся из её большого иконостаса. В старом казачьем офицерском роду была она семейной. Много поколений молились перед ней, да и всех мальчиков у нас называли Георгием и Виктором. Я была удивлена, услышав, что бабушка непрестанно молится за дядю Колю.

(Начало. Окончание на 4 стр.)

Детская страничка

(Окончание. Начало на 3 стр.)

В торжественный день из меня изобразили нечто вроде кукольной Мальвины, вручили сноп мокрых гладиолусов и раз десять заставили повторить приветствие высокому гостю. В результате, когда подъехали три машины, и из первой вышел кренастый человек с суровым, как мне показалось, лицом и звёздами Героя на кителе, я всё начисто забыла. И буквально на одном дыхании выпалила: «Товарищ Жуков! Мы все вас поздравляем! Пожалуйста, живите долго со своим красивым конём!» Вокруг раздался гомерический хохот. Но громче всех, буквально до слёз, смеялся сам маршал. Кто-то из его сопровождения поспешил взять у меня огромный букет, и Жуков, продолжая смеяться, сказал: «Ну вот теперь я тебя вижу. Пойдём со мной!» И подав мне, как взрослой, руку повёл меня по лестнице, в ложу. В ложе стояли стулья и большое бархатное кресло для высокого гостя. Но он, смеясь, сказал: «Кресло для маленькой дамы!» — и, посадив меня в кресло, пододвинул свой стул ближе к перилам ложи. В ужасе и отчаянии от своего провала и позора я скользнула в кресле в комочек. «Как тебя зовут?» — спросил Жуков. «Людмила», — прошептала я. «Люсенька, значит!» — Жуков погладил меня по моим очень длинным волосам. Концерт начался. На сцене танцевали гопак, пели все известные фронтовые песни, снова танцевали. Мне же хотелось одного: сбежать и забиться куда-нибудь в тёмный уголок. На маршала я боялась даже поднять глаза.

Но вдруг я просто подскочила от удивления. На сцене, вместо конферансье, появился мой отец. Напряжённым, каким-то чужим голосом отец объявил: «А сейчас перед вами выступит кавалер орденов (шло их перечисление) и кавалер ордена Ленина, танкист, сержант Николай Авдеев!» Дядю Колю давно уже знали и любили. Зал затих. Детским своим умом я не поняла сути происходящего. Но зрители в зале поняли сразу, что безногий человек на сцене был вызовом власти. Вызовом её безжалостному лицемерию по отношению к людям, которые, защищая Родину, защищали и эту самую власть. Власть, которая сейчас так жестоко и бессовестно избавлялась от покалеченныхвойной. Я всё это поняла, повзрослев. А тогда два офицера вынесли на сцену Авдеева, сидящего в таком же бархатном кресле с баяном в руках. И вот полилась песня: «Уж, ты ноченька,nochka, nochka tёмная...» Голос не пел. Он сначала тихо плакал, а потом громко зарыдал от одиночества и тоски. Зал замер. Вряд ли в нём был тогда человек, который не потерял в войну своих близких. Но зрите-

ли не успели зааплодировать, потому что певец сразу заговорил: «Товарищи! В старинных битвах отстояли Отечество наше и свою столицу — Москву! Но и за сто лет до нас прадеды наши погибали за Москву и Россию! Помянем же их!» И Авдеев запел: «Шумел, горел пожар московский...» Показалось, это перед всеми совершенно зрямо пошли в своих сверкающих киверах победители 1812 года. В едином порыве зал стал дружно и слаженно отхлопывать рефрен песни. В ложе стали раздаваться восхищённые голоса. Я, наконец осмелев, посмотрела на Жукова. Он, скав руками барьер ложи, откинулся на спинку стула. Явное удивление и восхищение читалось на его лице. Но вдруг баян замолчал. Руки певца бессильно упали на него. Авдеев повернул голову в сторону маршальской ложи, и серебряная труба его голоса в полной тишине пропела: «Судьба играет человеком, она изменчива всегда...» Зал буквально взорвался от восторга. На сцене выросла гора цветов. Жуков слегка повернул голову и властно сказал кому-то позади себя: «Узнай, распорядись!» Здесь я наконец-то пришла в себя и, тронув Жукова за колено, сказала: «А я всё про дядю Колю знаю!» «Тогда расскажи», — ответил он мне и наклонился ближе. Но раздались звуки рояля, и снова, но уже торжественно и скорбно, заполнил зал фантастический голос: «Ты взойди моя заря, заря моя последняя...» В порыве чувств люди в зале стали вставать, многие плакали. Я вновь посмотрела на Жукова. Он сидел так же, откинувшись на спинку стула, с вытянутыми на барьер ложи руками. Но глаза у него были закрыты, и лицо побледнело и стало печальным и усталым. Скорбно и моляще прогудел бас Авдеева: «Ты укрепи меня, Господь!» И в этот момент в неподалёку стоящей церкви ударили колокола. Зал бушевал. Жуков открыл глаза и, произнеся: «Фантастика!», снова наклонился ко мне и, как мне показалось, строго спросил: «Так что же ты знаешь про дядю Колю?» Я заторопилась: «Его мой пapa на станции нашёл. Он у нас теперь комендантром работает, и в семье, как родной. Он, знаете, какой добрый и всё-всё умеет!» Лицо маршала оставалось таким же печальным и усталым. «Детка, как ты думаешь, что для этого человека можно сейчас сделать?» — спросил он у меня как у взрослой. Я на секунду задумалась: «Баян ему доктор подарил, а он совсем старенький. Новый бы надо купить! Да уж это когда разживёться», — заговорила я бабушкиными словами. «А главное — дяде Коле жильё какое-нибудь надо. Мы-то в целой капитёрке живём, а он в чуланчике возле котельной ютится!» Жуков слушал меня

молча и неулыбчиво. И вдруг спросил: «А тебе самой что хочется?» И здесь я поняла, что нужно вовсю пользоваться случаем. «Мне ничего не надо. Я вообще счастливая. У меня пapa с войны вернулся. А вот Ниничке, подружке моей, нужен специальный детский дом, потому что она немая. У неё немцы язык отрезали и свастику на ручке выжгли. Это чтобы её родители-подпольщики заговорили. Но они всё равно никого не выдали, и их расстреляли». Я не увидела лица маршала. Он вдруг поднял меня на руки и крепко обнял. На какое-то время я услышала, как под кителем со звёздами Героя ровно и сильно бьётся сердце Жукова. Потом он опустил меня на пол и бросил: «Пошли!» Дядя Коля сидел внизу на диванчике, смотрел, как мы спускаемся к нему, и лицо его показалось мне таким же усталым и печальным. Потом маршал подошёл к Авдееву и сел рядом. Некоторое время они сидели молча. Но вот Жуков заговорил. О чём говорили они — безногий сержант и маршал со звёздами Героя — Николай не рассказывал, но бабушка говорила, что всю следующую ночь он не спал. Домой ехали мы с дядей Колей. В руках у меня были два огромных пакета с конфетами, а рядом на сиденье лежали два роскошных набора рижских духов. На следующее утро Николая Авдеева увезли в штаб, где ему торжественно вручили сияющий малиновым перламутром аккордеон, а главное — конверт с ордером на комнату в большом и красивом доме. Комната оказалась тоже очень большой и красивой, с большим окном и паркетными полами.

Николай Авдеев окончил музыкальное училище и до конца жизни работал заведующим Дома культуры. А умер он рано, когда ему исполнилось 47 лет. У него было два сына-близнеца, которые стали впоследствии хорошими врачами. Дивный голос своего отца они не унаследовали. Он ушёл с ним.

За Ниной приехали из Киева и увезли её в хороший интернат, где, говорили, она была всеобщей любимицей. Но умерла Ниничка, не дожив до двадцати лет. Не знаю, то ли сердце её было сломлено пережитым ужасом, то ли, как говорила бабушка, родители-мученики ждали и звали её.

Отца же моего почему-то направили на курсы политработников в Смоленске. Служил он потом в войсковых училищах, и помню, что всегда заботился особенно о курсантах-сиротах. Многие из них, став сейчас седыми отставниками, вспоминают о нём с любовью и уважением.

Людмила Викторовна ТОЛКИШЕВСКАЯ.